

О. Д. Попова
**«ПРАВИТЕЛЬСТВО ЖИВЕТ ПРИ КОММУНИЗМЕ,
А МЫ В НИЩЕНСТВЕ...»: МЫСЛИ И ДУМЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА
НАКАНУНЕ 50-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ**

УДК 94 (470) "1967"

ББК 63.3 (2) 633

В статье анализируются особенности общественного сознания в 1967-м, юбилейном, году, когда отмечалось 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Статья основана на анализе неопубликованных писем граждан в Совет Министров СССР. Показано, что на настроения народа в 1967 г. влияли: денежная реформа 1961 г., повышение цен в 1962 г., принятие третьей Программы КПСС. Анализ писем свидетельствует о том, что советские граждане были недовольны высокими ценами на продукты, социальным расслоением, дефицитом товаров. Делается вывод о том, что в советском обществе сохранялись представления об уравнительном распределении социальных благ в коммунистическом обществе. Традиционно материальные блага в СССР распределялись неравномерно. Авторы писем требовали у правительства снижения розничных цен на продовольственные товары, ликвидации товарного дефицита, выравнивания доходов граждан. Снижение цен в общественном сознании рассматривалось как обязанность правительства. Письма 1967 г. отражают недовольство народа местной властью и руководителями государства. В статье показан «эффект бумеранга» советской пропаганды: усиленная пропаганда успехов Советского государства и помощи другим странам вызывала недовольство граждан, недоумение и непонимание. Они писали о том, что возмущены отправкой продуктов в другие страны при дефиците товаров в СССР и при низком уровне жизни советских людей. В некоторых «письмах во власть» встречалась прямая угроза восстанием. Анализ показал, что к 1967 г. в общественном сознании стала расти политическая апатия, которая приобретала форму повседневно недовольства простого народа властью и недоверия к ней.

Ключевые слова: *общественное сознание, «письма во власть», продуктовый дефицит, недовольство властью, ментальность, юбилей Октябрьской социалистической революции, пропаганда*

В 1967 г. Советский Союз отмечал 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Это был серьезный повод, чтобы переосмыслить то, чего удалось достичь советской власти. В этом аспекте важно проанализировать не только конкретные достижения плановой экономики и эффективность идеологической системы, но и то, с какими чувствами советский народ встречал эту дату. Оценка ментальных настроений масс имеет большое значение, поскольку позволяет сопоставить усилия власти по организации жизни общества с ожиданиями народа. Нельзя не согласиться с мнением А. Я. Лившина, который в своем исследовании отмечает: «Пренебрежение ментальными и настроенческими особенностями населения нередко приводит к тяжелым последствиям для общества

и государства».¹ Наличие оппозиции в общественном сознании в 1960–1980-е гг. — факт, уже получивший осмысление в современной исторической литературе.² Интерес историков обращен к росту политической апатии и протестных настроений в 1960–1980-е гг. Например, в исследованиях Г. В. Логвиновича и Я. М. Боковой анализируется процесс развития инакомыслия в среде студенческой молодежи.³ Получили осмысление и различные формы проявления инакомыслия. Большой интерес представляют варианты диалога власти и общества и проявления оппозиционных

¹ Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М., 2010. С. 6.

² См.: Лушин А. И. Советское государство и оппозиция в середине 1950–1980-х годов. СПб., 2011.

³ См.: Логвинович Г. В. Инакомыслие и борьба с ним в общественных настроениях советского студенчества в 60–80-е гг. XX века // Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та. Общественные науки. 2017. № 1. С. 30–34; Бокова Я. М. Эволюция общественных настроений и массового сознания советского общества в середине 50-х — первой половине 60-х гг. XX века // Исторические исследования: материалы III Международ. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань, 2015. С. 41–45.

Попова Ольга Дмитриевна — д.и.н., профессор кафедры социологии, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (г. Рязань)
E-mail: od-popova@mail.ru

настроений в ходе выборов.⁴ Имеет значение и изучение эмоций и настроений советского общества сквозь призму проблем «маленького человека» в ходе повседневных практик. В статье же рассматриваются проблемы ментального восприятия рядовыми гражданами Советского Союза сложностей повседневной жизни в контексте усиленной идеологической работы накануне празднования 50-летия Октябрьской революции. Изучение подобных настроений является очень важным, поскольку позволяет сопоставить идеологические установки власти и социальные ожидания народа. Перед нами стояла задача осмыслить, какие идеи в общественном сознании были приняты накануне юбилея Октября, а какие уже вызвали сомнения.

Важным для понимания специфики советской ментальности в юбилейном году является анализ некоторых итогов экономического и социального развития, которые были весьма противоречивыми. С одной стороны, к концу 1950-х гг. были сделаны значительные шаги по повышению уровня жизни населения: массовое жилищное строительство позволило миллионам людей из «коммуналок» перебраться в отдельные квартиры; были повышены пенсии колхозникам; предпринятые меры в сельском хозяйстве обеспечили рост производства сельскохозяйственной продукции; был сокращен рабочий день, введены сокращенные на два часа рабочие дни перед выходными и праздниками. Все это позволило поднять качество и уровень жизни советского народа. Однако, с другой стороны, эти успехи не были стабильными: экономический подъем быстро сменился спадом. Так, если в 1958 г. был отмечен максимальный рост уровня производства зерна, то в 1960 г. рост почти полностью прекратился.⁵

Весьма значимыми для формирования общественного сознания стали и такие события, как денежная реформа 1961 г. и повышение цен на мясомолочные продукты в 1962 г. В постановлении Совета Министров СССР от 17 мая 1962 г. говорилось о повышении розничных цен на мясо и мясные продукты в среднем на 30%.⁶ При этом следует отметить,

что газета «Известия» вообще не опубликовала данный документ, а газета «Правда» разместила текст постановления 1 июня 1962 г. в нижней части страницы под заголовком «В Совете Министров СССР». Одновременно газеты «Правда» и «Известия» на первой полосе напечатали пространный документ «Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР ко всем рабочим и работницам, колхозникам и колхозницам, рабочим и работницам совхозов, советской интеллигенции, ко всему советскому народу». В нем пространно объяснялась причина такого шага правительства. Авторы этого документа пытались убедить народ в том, что это необходимая мера, вызванная нерентабельностью сельского хозяйства.⁷ Однако эта мера, негативно отразившись на уровне жизни населения, не смогла спасти сельское хозяйство. В 1967 г. из 12,8 тыс. совхозов 3,7 тыс. являлись убыточными.⁸

При этом Н. С. Хрущев на XXII съезде Коммунистической партии в 1961 г. провозгласил, что коммунизм в СССР будет построен к 1980 г. На съезде была принята третья Программа КПСС, в которой обосновывалась неизбежность строительства коммунизма, говорилось о материальной готовности советской социалистической системы перейти к коммунизму. В этой программе прозвучало и известное определение коммунизма: это — «бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества».⁹ Все эти аспекты вызвали определенные ожидания народа и стали ключевыми для формирования настроения общества в юбилейном году.

Для анализа общественного сознания важным источником являются письма граждан, обращенные к власти. Методика работы с таким источником, как «письма во власть», уже разработана в современной исторической литературе.¹⁰ В частности, А. Я. Лившин подчеркивает,

и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35733#0> (дата обращения: 05.03.2017)

⁷ См.: Правда. 1962. (1 июня) № 152. С. 1.

⁸ См.: Шевельков А. И. Роль Госплана СССР в формировании аграрной политики и развитии сельского хозяйства СССР. Вторая половина 1960-х гг. // Вестн. архивиста. 2012. № 4. С. 192.

⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС. М., 1961. С. 2.

¹⁰ См.: Лившин А. Я. Указ. соч.; Попова А. Д. «Когда же она кончится, эта руководящая власть КПСС?»: образ власти в сознании советских людей во времена перестройки // Новый ист. вестн. 2015. № 43. С. 68–81.

⁴ См.: Абракова Т. А. Материалы советских избирательных кампаний 50-х — начала 80-х годов XX века как формы диалога власти и общества // Вестн. Чувашского ун-та. 2009. № 3. С. 3–11.

⁵ См.: Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 264.

⁶ См.: Постановление Совмина СССР от 17.05.1962 № 456 «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки

что решающим критерием при отборе писем для характеристики элементов общественного сознания является то, как созданный респондентом текст высвечивает его образ мыслей, структуру его сознания, его реакции на описываемые события.¹¹ Поэтому подборка писем для анализа проводилась по нескольким критериям. Подбирались письма, отражающие наиболее типичные явления. В них многие авторы затрагивают одни и те же проблемы, высказывают сходные мысли разными словами. Цитируются письма, которые наиболее интересно и ярко, эмоционально отражают типичную ситуацию. Важным критерием отбора писем является широта их географии. Именно то, что в исследовании представлены письма авторов со всех концов страны, позволяет судить о типичности настроений народа в 1967 г.

А. Я. Лившин также указывает, что в современной исторической науке уже накопились определенные подходы к типологизации «писем во власть».¹² Наиболее сложной является типологизация по социальному составу авторов писем. Установить обобщенный портрет автора «писем во власть» или классифицировать весь массив писем по социальному составу их авторов очень трудно, поскольку многие авторы не указывали своего социального статуса. В настоящем исследовании использовалась сюжетная типологизация, которая предполагает выделение наиболее значимых социально-экономических и общественно-политических проблем, вызвавших обильный поток переживаний народа.

Возникает вопрос: насколько достоверны сведения, изложенные авторами в «письмах во власть»? Насколько обоснованы их переживания? Во-первых, достоверность информации так или иначе подтверждается объективными данными, полученными из других источников. Власть сама признавала падение жизненного уровня населения в 1960-е гг. и перебои с поставкой продуктов в различные регионы Советского Союза. Например, правление Госбанка докладывало в Совет Министров СССР, что за 10 месяцев 1963 г. невыполнение плана розничного товарооборота составило 780 млн руб.¹³ Во-вторых, достоверность сведений подтверждается массовостью и типичностью обращений. Именно широкая география писем показывает, что излагаемые в них факты не

есть глас вопиющего в пустыне. При этом следует отметить, что при работе с таким источником, как «письма во власть», для исследования эмоций и настроений важным является даже не столько фактическая сторона излагаемого материала, а скорее его эмоциональная составляющая, т. е. именно реакция автора на то или иное событие. Очень показательным то, какую лексику употребляет автор для передачи своего эмоционального состояния, какие формы обращения к власти использует, что его возмущает, а что — радует.

Безусловно, диалог власти и народа на каждом этапе исторического развития имел свои нюансы, которые формировались под влиянием эпохи. В этом плане представляется важным понять, какие факторы обуславливали особенности общественного сознания в 1967 г. В фондах архива Совета Министров СССР, Верховного Совета СССР накопился большой пласт обращений граждан к высшим руководителям страны. В начале 1960-х гг. граждане активно обращались к Н. С. Хрущеву, а в юбилейном 1967 г. — к председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину. В 1967 г. в Совет Министров СССР ежемесячно поступало 14–19 тыс. писем. Больше всего их пришло накануне праздничной даты — в октябре 1967 г. (23 471 письмо).¹⁴ Большую долю из этих обращений составляли письма об улучшении жилищного строительства (8 981 письмо), о пенсионном обеспечении рабочих и служащих (3 648), по вопросам труда и заработной платы (741), о торговле (534).

В 1967 г. авторы апеллировали в своих обращениях к юбилейной дате как к важному аргументу. Во многих письмах звучало: «Приближается 50-летие Великого Октября. Советские люди хотят чувствовать в каждом уголке заботу о человеке»,¹⁵ «Страна идет к большому празднику 50-летия Октябрьской Социалистической революции»,¹⁶ «Мне кажется, когда-когда, но в канун Великой Октябрьской социалистической революции, которой будет 50 лет, нужно подумать о народе».¹⁷

Во многих письмах выражалась надежда на то, что власти предпримут шаги к улучшению жизни. Народ воспринял повышение цен в 1962 г. как временную меру, в юбилейный год ждал их снижения, основываясь на опыте

¹¹ См.: Лившин А. Я. Указ. соч. С. 38.

¹² Там же. С. 41.

¹³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 97. Д. 1232. Л. 90.

¹⁴ Там же. Оп. 101. Д. 1415. Л. 23.

¹⁵ Там же. Д. 1410. Л. 171.

¹⁶ Там же. Д. 1411. Л. 154.

¹⁷ Там же. Д. 1413. Л. 24.

сталинского времени. Поэтому в некоторых письмах авторы выражали свои чаяния в очень требовательной форме. Например, в письме рабочих из Красноярска говорилось: «Хотим Вам напомнить, что Вы обещали советским людям, что цены на продукты животноводства повышаются на два года, и не только на эти продукты и на все продукты, а прошло уже 6 лет, а Вы позабыли и думать. Так мы Вам напоминаем, чтобы Вы помнили, что наша страна в большой напряженности, и Вы имеете надежду на людей, а людей согнули в бараний рог, на все цены повысили, а заработок урезали, а как люди должны жить, Вам до этого дела нет».¹⁸ Одновременно машинистка Ангелина Васильевна Диденко из Орска-14 вопрошала: «Были повышены цены на такие продукты, как масло, мясо, Хрущев заявил, что это временно, сколько же это “временно” должно длиться?»¹⁹ Однако в упомянутых выше нормативно-правовых документах никаких сроков указано не было, не использовалось и выражение «временное повышение», только подчеркивался вынужденный характер мер. Таким образом, народная молва очень быстро мифологизировала идею временности повышения цен, хотя правовых оснований для таких идей не было никаких.

Также недобрым словом в ряде писем вспоминалась денежная реформа 1961 г. Именно на нее жаловались в своем письме рабочие из шахтерского городка Кизела Пермской области: «...Хрущев сменил деньги (а сделано это было специально), чтобы не так страшно было смотреть на цены продуктов. <...> Во время войны мы молчали, видели положение в стране, а сейчас, ведь если перевести на старые цены стоимость мяса, колбасы, масла, то ведь просто ужас! Начальники, академики, министры живут, у них заработки с рабочими не сравнить. Ведь в магазин придешь — на мясо смотреть страшно, а оно 2 рубля килограмм».²⁰ И такие жалобы имели веские основания. Формально простые граждане от денежной реформы не пострадали. Советская пропаганда всеми способами пыталась убедить народ в том, что он с пониманием отнесся к реформе. Однако, вопреки обещаниям властей, цены на товары резко подскочили. Так, если в декабре 1960 г. года картофель в государственных магазинах города Горь-

кого стоил 1 руб., а на рынке — от 75 коп. до 1,5 руб., то в январе 1961 г. картофель на базарах уже стоил 33 коп. (три рубля 30 коп. старыми деньгами). Значительно подорожали на рынке молоко, мясо, масло.²¹

Многие авторы писем жаловались на очень низкий уровень зарплат и пенсий, причем это были жители не только провинции, но и столицы. Москвичка Смирнова писала: «Жизнь у нас очень тяжела, главным образом из-за дороговизны, от полочки до полочки не хватает нашей (как теперь принято говорить) “мышинной зарплаты” или “мышинной пенсии”, с новыми хлопчатобумажными деньгами свел на нет наш бюджет. Эти безобразно высокие цены, особенно на продукты питания, конечно, не отражаются на больших зарплатах и пенсиях, но на малых они просто берут за горло».²² Подобная же мысль звучала в письме пенсионеров из Москвы: «Мы, пенсионеры, участники Великой Отечественной войны, ждали, что к 50-летию Советской власти Вы все, наши руководители, проявите о нас ленинскую заботу. Но о нас Вы забыли. Подумайте хорошенько, можно ли жить на пенсию в 40–50 рублей».²³

В общем-то, жалобы на дефицит продуктов, на низкий уровень жизни были не новы в «письмах во власть». Поток писем с сетованиями на продуктовый дефицит массово поступал и в начале 1960-х гг. В сентябре 1963 г. резко возросло количество писем и телеграмм по вопросам снабжения населения хлебом. Сообщения о перебоях в снабжении хлебом поступали из всех уголков страны. Например, гражданин Григорьев из Киева писал: «Вот уже три дня в Киеве форменная паника, за хлебом огромные очереди. Исчезли манная крупа и макароны. Сегодня началась погоня за солью и мылом».²⁴ За октябрь–декабрь 1963 г. в Совет Министров СССР поступила почти тысяча обращений по вопросу дефицита хлеба и других продуктов.²⁵ Факт низкого уровня жизни советских граждан подтверждается и статистическими данными. Как показывает исследование Е. Зубковой, в конце 1960-х гг. доля малообеспеченных составляла 29,6 % всех

²¹ См.: Дегтев Д. М. Проблемы формирования общественного сознания в ходе денежной реформы 1961 года // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы 2-й Международной науч.-практ. конф. Нижний Новгород, 2011. С. 425.

²² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 101. Д. 1413. Л. 60.

²³ Там же. Л. 92.

²⁴ Там же. Оп. 97. Д. 1496. Л. 70.

²⁵ Там же. Л. 123.

¹⁸ Там же. Л. 48.

¹⁹ Там же. Л. 31.

²⁰ Там же. Л. 30.

советских граждан (это те, кто находился за чертой бедности и в непосредственной близости от зоны риска). По оценкам Маколи, в 1967 г. доля таковых составляла 11 % населения СССР.²⁶

Однако можно заметить, что диалог власти и народа к середине 1960-х гг. меняется. Другой стала сама форма обращения к первым лицам государства. В начале 1960-х гг. во многих письмах используется дружеская форма обращения, в частности такие слова, как «дорогой Никита Сергеевич»; иногда в письмах авторы извиняются за то, что отрывают руководителя государства от важных дел. В качестве примера можно привести отрывок из письма: «Дорогой Никита Сергеевич, Вы, конечно, извините нас, что мы обращаемся к Вам и отрываем у Вас частицу дорогого времени, но мы вынуждены, так как не получили удовлетворительного ответа».²⁷ Многие письма заканчивались словами «с дружеским приветом!»

В письмах 1967 г. дистанция между властью и авторами больше, тон холоднее, используются стандартные формальные обращения, принятые в деловой переписке. Очень часто в качестве адресата стала указываться не личность, а официальная должность, (например, «Председателю Совета Министров»), или название государственной структуры («В Совет Министров СССР», «В Верховный Совет СССР»). Письма стали чаще начинаться со слов «жалоба», «заявление» вместо «здравствуйте». Например, обращение Дмитрия Алексеевича Белякова из Кривого Рога было адресовано «В Совет Министров СССР, Копия в редакцию газеты “Известия”» и начиналось сразу с претензии: «Что ж это Вы забыли о снижении цен?»²⁸

В то же время более явно стало ощущаться недовольство социальным расслоением. Большой поток жалоб шел от представителей низкооплачиваемой категории населения, которые с особой нелюбовью упоминали начальников и министров. Шахтеры из города Кизела писали: «Ведь газеты и журналы каждый день пишут о лучшей жизни, а где она? У министров? А у простых людей она все хуже. Надо же считаться с людьми. Без людей-рабочих министрам будет делать нечего. Я прошу Вас, как депутата нашей области, от имени

граждан, облегчите хоть немного прожиточный минимум».²⁹ В письме из Красноярска говорилось: «8 рублей дают колхознику пенсию, даже на хлеб не хватает. А сами в министерстве получают по 800 рублей и больше. Так где же справедливость, скажите на милость?»³⁰ Таким образом, в общественном сознании продолжало укрепляться присущее советской ментальности уравнилельное представление о равенстве, которое сформировалось еще в годы революции.³¹

Проведенные Н. С. Хрущевым реформы во многом расширили систему социальной защиты: были повышены зарплаты наиболее малообеспеченным категориям населения, повышены пенсии колхозникам, была установлена минимальная заработная плата.³² Все эти реформы сформировали определенные ожидания народа, которые носили своеобразный характер. Немалую роль играла пропаганда трудов В. И. Ленина, в которых говорилось о том, что при коммунизме будет выравнена оплата труда рабочих и управленцев.³³ Такое видение равенства подкреплялось и третьей Программой КПСС, которая в области общественных отношений ставила задачу «окончательного преодоления классовых различий, достижения социальной однородности общества и коммунистического равенства всех людей».³⁴ Поэтому все ожидания советских граждан сводились к тому, что выравнивание социального статуса будет происходить именно в имущественном плане, а этого не происходило.

Как отмечает Г. И. Ханин, на практике материальные блага распределялись в СССР традиционно неравномерно как в территориальном разрезе, так и по социальным группам: «В социальном аспекте привилегированными были высший и средний чиновничий аппарат, жители закрытых городов, видные ученые и деятели культуры и, конечно, работники торговли и те, кто их проверял, кто им покровительствовал, и т. д. Неравномерность в обеспечении материальными благами приводила к тому, что даже при их небольшом росте в целом

²⁹ Там же. Л. 30.

³⁰ Там же. Л. 64.

³¹ См.: Лившин А. Я. Указ. соч. С. 177, 178.

³² См.: Данилова Е. Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости // Социол. наука и социал. практика. 2015. № 2. С. 21.

³³ См.: Попова О. Д. «В ЦК те же помещики и капиталисты...»: восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е годы // Новый ист. вестн. 2016. № 2 (48). С. 72–81.

³⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза. С. 8.

²⁶ См.: Зубкова Е. Ю. «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940–1960-е годы // Рос. история. 2013. № 5. С. 99.

²⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 95. Д. 903. Л. 49.

²⁸ Там же. Оп. 101. Д. 1413. Л. 27.

по стране привилегированное меньшинство могло быстро наращивать это потребление, а большинство населения при этом потребляло меньше материальных благ. Это создавало у большинства населения ощущение, что жить стало хуже».³⁵ При этом происходило выделение элиты, которая получала доходы такими незаконными путями, как перепродажа товаров, подпольный бизнес, получение дефицитных товаров по блату. Все это вызывало недовольство у большинства населения. Выделение имущественной элиты народ воспринимал как попрание идей коммунизма, а привилегированные слои порой оценивал используя терминологию, которую щедро предлагала советская пропаганда применительно к капиталистическому обществу: в ход щедро шли эпитеты «буржуазия», «капиталисты». «Почему никто не ставит вопрос о том, что мешало бы строго проанализировать проходящую дифференциацию общества с тем, чтобы, если назрела необходимость, провести некую экспроприацию новой буржуазии?» — спрашивал, обращаясь в редакцию журнала «Коммунист», В. Паниский из Караганды.³⁶

Это недовольство в 1967 г. подкреплялось еще и обманутыми ожиданиями приближения коммунизма и обещаниями семилетнего плана. Народ ожидал, что с каждым годом уровень жизни все больше и больше будет приближаться к обещанному при коммунизме, а жизнь его не улучшалась. Это вызывало чувство разочарования и недоумения. Так, рабочие из Волгограда напоминали правительству слова, данные властью в конце 1950-х гг.: «Колбаса, мясо, масло, сметана — как поднял Хрущев Н. С. цены, так они и по сей день. А говорили многое: цены временные, подоходный налог с рабочих с 1964 года отменится, в 1970 году будет в городах бесплатный внутригородской транспорт, за исключением такси, а в 1980 году будут бесплатные квартиры — эти слова по радио в июле... 1958 г. или 1960 г. мы слушали в воскресный день, это нам обещало правительство».³⁷

О том же спрашивала А. В. Диденко из города Орска-14, которая в своем письме жаловалась на низкую зарплату: «Насколько помнится, по материалам съезда, на котором принимался 7-летний план, было указано, что подоходный налог к концу семилетки, т. е. к концу 1965 г.,

с любого размера зарплаты не будет браться, однако в настоящее время с зарплаты свыше 60 рублей подоходный налог берется, также принимались решения, что к концу семилетки должны пользоваться граждане услугами, а именно бесплатно ходить в баню, должна отмениться квартплата, должен [быть введен] бесплатный проезд на городском транспорте (попробуй проехать на трамвае, не уплатив 3 коп., быстро сфотографируют и вывешат в трамвае!). Для чего же принимались эти решения, для чего нужно было обещать людям то, что не осуществилось? Для чего изучались эти материалы в политических кружках?»

Одновременно граждане выражали недовольство по поводу пропаганды успехов советской плановой экономики. Очень многие брались за перо, вернувшись в очередной раз из пустого магазина, отчаявшись приобрести тот или иной товар. М. Н. Дубков из Саратова, намаявшись в поисках обуви, вопрошал у Совета Министров СССР: «Прочитал сообщение ЦСУ о выполнении плана за 9 месяцев. План по выпуску обуви перевыполнен. Ну, а где эта обувь? В течение года я не смог приобрести себе ботинок, хотя бы за 30 рублей (бешеная цена). Сыну для работы едва-едва купил полуботинки за 30 рублей. Как раз его полумесечная зарплата. Он токарь на заводе. Да и те ботинки чехословацкие. А где наши?»³⁸

Особое раздражение вызывали у граждан бравые сообщения о помощи Советского Союза другим странам, об экспорте товаров на международный рынок. Пустые полки магазинов никак не согласовывались в головах граждан с информацией о массовых поставках продуктов в другие страны. Эти факты пропаганда преподносила как успех советской системы, а народ по этому поводу рассуждал по-другому: «Прочитал в газете “Известия” за 5 января 1967 года за № 15398 статью под заголовком “Таежный экспорт”, я был удивлен и очень взволнован. В газете написано о том, что за последние два месяца в Польшу отправлено 1 100 центнеров душистого меда и 250 центнеров в Германскую Демократическую Республику. Я бы просто хотел у Вас спросить: на каком основании Вы это делаете? <...> Я живу в рабочем поселке Таваксай, 10 км от г. Чирчика. Если сварить хороший борщ, то нужно объезжать 10 магазинов, и то хороший борщ не сварить. В магазинах у нас,

³⁵ Ханин Г. И. Указ. соч. Т. 1. С. 283.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 211. Л. 94.

³⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 101. Д. 1413. Л. 9.

³⁸ Там же. Л. 103.

кроме рыбных консервов, хорошего ничего нету. Если заболел ребенок, захотел купить меду, то в магазинах нигде не найдешь меду, а нужно купить на базаре у спекулянтов, стакан за 3 рубля, и то половина сахара. Почему бы не продать этот мед у нас в своей стране?»³⁹

Не менее показательное обращение М. И. Липецкой из Тамбовской области: «Нам больно и обидно читать в газетах, как вы там через Красный Крест гоните медикаменты, продовольствие пострадавшим от стихии, то в Индию, то в Японию, то в Африку. Потом погнали в Индию 200 тонн пшеницы да раздаете разные кредиты и помощь, но тут же не видите, что Вы отрываете от своего народа, который хорошего хлеба не кушает, да и за плохим надо стоять в очередях, да и половину дня не бывает его».⁴⁰ При этом ее возмущали и другие шаги властей, в частности возведение памятников советским деятелям: «Еще глупость — это в г. Жуковском, что близ Быковского аэродрома, там копают площадь, хотят ставить памятник Жуковскому, а он стоит 10 или 12 миллионов. Разве это не сумасбродство?»⁴¹

В ряде писем обнаруживаем неверие граждан в эффективность плановой экономики, более того, в них иногда открыто выражалось недовольство существующей государственной властью. В отличие от этого, в начале 1960-х гг. многие авторы, столкнувшись с противоречиями плановой экономики, в своих обращениях к власти выражали сомнения и просили разъяснить те или иные явления. Например, рабочие из Бобруйска, жалуясь в 1961 г. на отсутствие продуктов в магазинах, завершили свое письмо словами: «Вот и пропагандируй, мы говорим, что мы американцев вывели за ушко на солнышко как колонизаторов, что они враги мира, а тут у нас нечего кушать. В общем, что-то непонятное, помогите нам разобраться».⁴² Суждения же авторов писем в 1967 г. были уже более категоричны: чувствуется разочарование в успехах построения коммунизма. Так, инженер Беляков, спрашивая о том, почему не снижают цены, одновременно рассуждал: «Поскольку цены не снижаются на продукты, то, может быть, и на самом деле наше государство бедное. А это говорит о том, что не умеют хорошо вести хозяйство». Заканчивал он свое письмо фразой: «Не пытайтесь

меня воспитывать: я уже больше ни во что не верю и ничего хорошего не жду».⁴³

Если ранее авторы многих писем критиковали местное начальство и питали доверие к высшему руководству страны, то в 1967 г. стрелы народного недовольства долетали уже до самих представителей верховной власти. Более того, в некоторых письмах встречалась даже прямая угроза восстанием. Так, например, И. Г. Яненко из Алтайского края, недовольный тем, что не смог купить мужской костюм из-за высокой цены, что не может жить как инженеры, завершил свое письмо прямой угрозой: «Так почему Вы даете заработок инженерам, которые ничего не делают, а смеются над рабочим классом и всячески притесняют? Если это будет продолжаться, то через год мы, рабочий класс, сделаем переворот в стране, Вы не думайте, что нет таких людей, они есть и будут, если Вы не дадите рабочему жить и не снизите цены на все товары в стране. А Брежнева... нужно убрать с поста как отросток Берия».⁴⁴ Рабочие из Волгограда, подводя итоги своему обращению, писали: «Правительство говорит так: "Народ и партия едины". Где же мы едины, когда правительство живет при коммунизме, а мы в нищенстве, мы только ходим, смотрим в магазины на товары, а брать не в состоянии, по их цене».⁴⁵

Однако следует подчеркнуть, что все возмущения касались именно конкретной власти, а не самой идеи строительства коммунизма. При этом надо отметить, что общественное сознание слабо оценивало недостатки плановой экономики. «Железный занавес» не давал людям возможности познакомиться с жизнью европейских стран, и поэтому пропаганда недостатков «загнивающего Запада» и преимуществ коммунизма как наилучшей формы социальной жизни продолжала сохранять эффект. Также давала свои результаты пропаганда величия учения В. И. Ленина. Поэтому народ причины всех недостатков жизни видел не в порочности советской системы, а именно в руководстве конкретных людей, которые, по мнению авторов ряда писем, отошли от ленинского учения. Некоторые письма заканчивались апелляцией к именам В. И. Ленина или И. В. Сталина: «Терпению приходит конец, тов. Косыгин. Если бы Ленин встал

³⁹ Там же. Л. 13.

⁴⁰ Там же. Д. 1411. Л. 140.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Оп. 95. Д. 1125. Л. 106.

⁴³ Там же. Оп. 101. Д. 1413. Л. 27.

⁴⁴ Там же. Л. 51.

⁴⁵ Там же. Л. 9.

сейчас, он Вас метлой вымет из Кремля». ⁴⁶ Не менее выразительно звучали слова рабочих с ленинградского Кировского завода: «Были бы Ленин и Сталин, так бы мы сейчас жили: ели натуральные продукты, работали 7 часов, 2 выходных, и, наверняка, женщины-фронтовики были бы на пенсии, и всем было бы 70 рублей. Одинаково — ни богатых, ни бедных. Если бы был рабочий дореволюционный, наверняка... были бы забастовки, а сейчас всякий сброд, а не рабочие». ⁴⁷

Таким образом, 1967 год стал не только годом празднования 50-летия Октября, но и переломным этапом в развитии общественного сознания. В народе сохранялись и укреплялись традиционные специфические черты российской ментальности — стремление к имущественному равенству, коллективизму. Именно на этом основывалась его вера в коммунизм, постулаты о светлом будущем. Однако в 1967 г. появляются принципиально новые черты в общественном сознании. Товарный дефицит, низкий уровень жизни стали вызывать неуверенность в скорой победе коммунизма. К 1967 г. многие усилия советской идеологической машины не просто стали давать сбой, они вызвали обратный эффект. Массовый поток писем с жалобами на дефицит и низкий уровень жизни свидетельствует о том, что советская идеология перестала выполнять функции компенсатора. Более того, отмеченная в ходе анализа риторика обращения к власти показывает, что народ перестал воспринимать партийную власть как нечто родное и близкое. Этот факт имеет принципиальное значение. Если для 1930-х гг. характерно противопоставление высшей власти и местной, низовой, то в 1960-е гг., несмотря на то что эта грань все еще сохраняется, оценка центральной власти становится уже другой. Раньше работал стереотип «царь — хороший,

помещики — плохие», в конце же 1960-х гг. в зону недовольства народа попадают уже и высшие лица государства. При этом происходит стремительная мифологизация образов В. И. Ленина и И. В. Сталина: они стали превращаться в символы нереализованного будущего, а действующие высшие государственные лица стали ассоциироваться с отказом от этого курса.

Интенсивная пропаганда величия советской системы, СССР как оплота мировой социалистической системы вызвала «эффект бумеранга» в народе. Начинает трансформироваться дихотомия «свой» — «чужой». Те, кто ранее в массовом сознании представлялись как «свои», начали переходить в разряд «чужих». Интенсивная реклама достижений Советского Союза на ниве помощи дружественным странам стала вызывать чувства разочарования и недоумения. Страны социализма перестали быть в глазах народа «своими», поскольку они отбирали часть народного богатства. В рассматриваемый период меняется и форма диалога власти и народа. Имели обратный эффект и старательно навязываемые в годы сталинизма идеи патернализма, т. е. представление о власти как об «отце родном», который постоянно заботится о своем народе. В середине 1960-х гг. ожидаемое народом снижение цен рассматривалось им как выполнение обещаний и обязанности правительства.

Более того, нельзя не согласиться с Г. И. Ханиным, который отмечает, что к этому времени деятельность Коммунистической партии носила в основном запретительный характер, что не прибавляло ей авторитета. ⁴⁸ В целом, можно сказать, что к 1967 г. в общественном сознании стала расти политическая апатия, которая приобрела форму повседневного недовольства властью и недоверия к ней со стороны простого народа.

Olga D. Popova

Doctor of Historical Sciences, Ryazan State University (Russia, Ryazan)

E-mail: od-popova@mail.ru

“THE GOVERNMENT IS LIVING UNDER COMMUNISM, AND WE IN THE BEGGING...”: THOUGHTS AND DESIRES OF THE SOVIET PEOPLE ON THE EVE OF THE 50th ANNIVERSARY OF OCTOBER

The article deals with the peculiarities of public consciousness in 1967. It was the year of the 50th anniversary of the great October socialist revolution. This is the analysis of unpublished letters from citizens to the Council of Ministers of the USSR. The made work has shown, that on the mood

⁴⁶ Там же. Л. 64.

⁴⁷ Там же. Д. 1411. Л. 84.

⁴⁸ См.: Ханин Г. И. Указ. соч. Т. 1. С. 191.

of the people in 1967, influenced the monetary reform of 1961, the price increase in 1962, the adoption of the Third program of the CPSU. Analysis of the letters to the conclusion that soviet citizens were dissatisfied with the high prices for food, social stratification, scarcity of goods. The author of this article shows that in Soviet society remained egalitarian view about the distribution of social goods in a Communist society. Wealth in the Soviet Union distributed unevenly. The authors of the letters wanted to reduce retail prices for food products, the elimination of the trade deficit, the alignment of the income of citizens. The authors believed that the government was obliged to reduce the prices of products. Letters 1967 show the discontent of the people local authorities and heads of state. The author of this article shows the effect “boomerang” of Soviet propaganda. The propaganda success of the Soviet state and assistance to other countries has caused people’s dissatisfaction, confusion and misunderstanding. Citizens wrote that they were outraged by the sending of products to other countries, with the shortage of goods in the Soviet Union and low level of living of Soviet citizens. Some authors have threatened to revolt against the government. The made work has shown, that in 1967 in the public mind growing political apathy. The people were dissatisfied with the government.

Keywords: *the public consciousness, “letters to the government”, food shortage, dissatisfaction with the government, the mentality, the anniversary of the October Socialist Revolution, propaganda*

REFERENCES

- Abrakova T. A. [Materials of the Soviet election campaigns of the 1950s and early 1980s as a form of dialogue between government and society]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2009, no. 3, pp. 3–11. (in Russ.).
- Bokova Ya. M. [Evolution of public sentiments and mass consciousness of Soviet society in the mid-fifties – first half of the 60s of the 20th century]. *Istoricheskie issledovaniya: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Historical Studies: materials of the III International Sci. Conf.]. Kazan: Buk Publ., 2015, pp. 41–45. (in Russ.).
- Danilova E. N. [Periods of changes in Social policy and concepts of Social justice in Russia]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2015, no. 2, pp. 18–50. (in Russ.).
- Degtev D. M. [Problems of the formation of public consciousness in the course of the monetary reform of 1961]. *Aktualnye problemy sotsialnoy kommunikatsii: materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual problems of social communication: materials of the Second Int. Sci. and Pract. Conf.]. Nizhny Novgorod: NGTU Publ., 2011, pp. 424–426. (in Russ.).
- Hanin G. I. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveyshee vremya* [The economic history of Russia in modern times]. Novosibirsk: NGU Publ., 2008, vol. 1, 515 p. (in Russ.).
- Livshin A. Ya. *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii 1917–1932 gg.* [Moods and political emotions in Soviet Russia 1917–1932]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 344 p. (in Russ.).
- Logvinovich G. V. [Dissent and struggle with it in the public moods of Soviet students in the 60–80s of the 20th century]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the North Ossetian State University. Social Sciences], 2017, no. 1, pp. 30–34. (in Russ.).
- Lushin A. I. *Sovetskoe gosudarstvo i oppozitsiya v seredine 1950–1980-kh godov* [The Soviet state and the opposition in the mid-1950s–1980s]. St. Petersburg: SZAGS Publ., 2011, 150 p. (in Russ.).
- Popova A. D. [“When on Earth will It End, this Leadership of the Communist Party?”: The Image of Power in the Minds of the Soviet People During the Time of Perestroika]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin], 2015, no. 43, pp. 68–81. (in Russ.).
- Popova O. D. [“There are the Same Landowners and Capitalists in the Central Committee...”: The Soviet People’ Perception of Social Inequality in the USSR in 1960s]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin], 2016, no. 48, pp. 72–81. (in Russ.).
- Shevelkov A. I. [The Gosplan role in agrarian policy formation and USSR agriculture development. Second half of the 1960th]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an archivist], 2012, no. 4, pp. 183–194. (in Russ.).
- Zubkova E. Yu. [“The habit of poverty”. The problems of measuring the standard of living in the USSR in the 1940s and 1960s]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2013, no. 5, pp. 92–104. (in Russ.).